О прокси-войнах

Пол Хансбери

Резюме

Недавно министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что НАТО ведет с Россией прокси-войну. Это утверждение вызвало несогласие со стороны комментаторов и политиков в странах-членах НАТО, которым оно, очевидно, не понравилось. Так был ли прав Лавров, упомянув о прокси-войне?

Выступая перед российскими государственными СМИ («Первый канал»), Лавров заявил, что поставки оружия в Украину членами НАТО делают это оружие и любые склады, где оно находится на хранении, законными целями для российских вооруженных сил. Он добавил: «Если НАТО, по сути дела, вступает в войну с Россией через прокси и вооружает этого прокси — на войне как на войне».

Очевидно, что страны-члены НАТО предоставляют Украине значительный объем военной помощи. За первые два месяца конфликта (если принять за отправную точку 24 февраля) США предоставили поддержку на общую сумму почти 3,5 млрд долл. США, включая стрелковое оружие, беспилотники, зенитные и противотанковые ракеты, радары и бронежилеты. По-видимому, обещанные американские вертолеты до сих пор так и не были поставлены. США также признали, что передают Украине разведывательную информацию. Многие другие члены НАТО предоставили аналогичное оборудование и поддержку.

Ответный выпад

Ряд западных комментаторов и политиков выступили с критикой и оспорили высказывания Лаврова. Военный историк и «дуайен» британских стратегических исследований Лоуренс Фридман написал серию постов в Твиттере. Его неприятие ярлыка «прокси-война» сводится к аргументу, что НАТО не ведет прокси-войну, поскольку украинцы воюют за себя, а не за НАТО. По его словам, характеристика

прокси-войны «предполагает, что местные силы служат интересам иностранцев. На практике, скорее, все наоборот». Эту аргументацию подхватили различные политики в странах-членах НАТО.

> Конечно, украинцы воюют за себя. Но это слабый аргумент против применения термина «прокси-война».

В рамках любой прокси-войны воюющие в первую очередь сражаются за свои дома, землю или политическую власть. Если рассмотреть пример войны во Вьетнаме, то во время и после вывода французских войск из страны Северный и Южный Вьетнам боролись за собственные существенные цели. Советский Союз и Китай поддерживали Северный Вьетнам в его стремлении свергнуть французскую колониальную администрацию, а американцы после ухода Франции оказывали все большую поддержку Южному Вьетнаму. Однако местные взялись за оружие не в интересах внешних сил, а потому что сами хотели получить власть.

Вначале США направили в Южный Вьетнам, чье правительство боролось с повстанцами Вьетконга, военных советников. Вьетконг мог опосредованно способствовать достижению советских целей, однако основным мотивом его солдат для решения революционных задач на юге страны зачастую служили личные интересы и желание того, чтобы иностранные державы оставили вьетнамцам право на самоопределение. Многие южане искренне не любили собственное правительство. Аналогичным образом другим вьетнамцам на юге страны совершенно необязательно было преследовать более широкие цели США по сдерживанию Китая или Советского Союза, чтобы выступать в качестве прокси, хотя правительство Нго Динь Зьема, по общему признанию, становилось все менее популярным.

В конце концов США развернули во Вьетнаме собственные силы. В этот момент американцы были напрямую вовлечены в войну в общепринятом смысле этого слова, хотя официального объявления войны так и не последовало. Однако поскольку они никогда не воевали непосредственно против советских или китайских войск, в литературе этот конфликт по-прежнему называют прокси-войной (на севере страны были размещены войска обеих коммунистических держав).

Как и в других прокси-войнах Холодной войны, идеологический конфликт между коммунизмом и капитализмом служил мотивом для вовлечения сверхдержав в гораздо большей степени, нежели сегодня в Украине. Тем не менее в заявлениях обеих сторон о текущем конфликте явно присутствует идеологическая

составляющая: Россия давно опротестовывает «западные» ценности, а поддержка Украины союзниками НАТО отчасти связана с убеждением, что на карту поставлены либеральные и демократические ценности.

> Нельзя сказать, что США и их союзники консультируют Киев и поставляют оружие Украине исключительно из альтруизма.

Скорее, они выражают обеспокоенность по поводу перспектив возникновения прецедента, если они откажут Украине в поддержке. Украинские официальные лица пытаются убедить членов НАТО увеличить объем поддержки, утверждая, что в действительности они борются за либеральные и демократические ценности. И этот аргумент оказывается достаточно эффективным, судя по количеству западных политиков, поддержавших его.

Или притворство?

То есть в этом смысле НАТО ведет прокси-войну, и ее членам невыгодно притворяться, что на самом деле это не так. Отрицание может оказаться контрпродуктивным для самих членов НАТО, так как для оказания военной помощи Украине необходима широкая поддержка населения. Министр обороны США Ллойд Остин более или менее подтвердил, что США теперь рассматривают украинцев в качестве прокси. Выступая недавно в Германии, он заявил: «Мы хотим видеть Россию ослабленной до такой степени, чтобы она [больше] не могла делать то, что сделала, вторгнувшись в Украину».

> Эти слова Остина отражают цель войны для Америки и, более широко, для всего альянса.

Американские войска в конфликте не задействованы, однако поддержка США преследует собственную цель, являющуюся более масштабной, нежели происходящее в пределах одной лишь Украины. Хотя страны-члены НАТО справедливо утверждают, что поддерживают Украину в ее обороне, они также обеспокоены последствиями войны для международного миропорядка. По словам одного из американских сенаторов, «Украина — это испытание для Запада, это испытание для всего международного порядка».

При этом конфликт не является войной, в которой Россия использует прокси, поскольку на территории Украины сражаются ее собственные солдаты. Возможно, в соответствии со строгим определением прокси-войны, необходимо, чтобы обе

стороны использовали прокси, но война в Украине является такой же прокси-войной, какой была советско-афганская война в 80-х годах прошлого века, и комментарий Лаврова, безусловно, верен.

Его замечание представляется, тем не менее, немного странным, так как Москва продолжает настаивать на том, что конфликт в Украине — это «специальная военная операция», а не война. Конечно, чтобы его замечание обрело логику, обе стороны должны вести войну — ведь «на войне как на войне»? Это скорее свидетельствует об импровизированном характере высказывания. В таких случаях Лаврову, обычно безупречно контролирующему себя перед аудиторией, следует сдерживать себя.

Пол Хансбери
Ассоциированный сотрудник, экспертная инициатива «Минский диалог»